

БОЛЬШЕВИЗМ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Как заметил Маркс, об эпохе, как и о человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает. Начало рыночных реформ в России в очередной раз подтвердило эту мысль. Минувшее «рыночное» десятилетие стало очередным поводом подумать об истоках либеральных реформ и характере советского строя. Его гибель одни объясняют «заговором жидов», другие ошибками вождей. Третий - предательством партийной бюрократии. А может, это был неизбежный итог национальной политической революции, которая не переросла в революцию социальную и интернациональную? И если так, нужно ли левым «повторение пройденного»?

«Рабоче-крестьянский» капитализм

Протоколы первых съездов РСДРП показывают, что в начале прошлого века все российские социал-демократы констатировали: страна стоит перед буржуазной революцией. Большевики уточняли: задача рабочего класса - возглавить революцию, объединив вокруг себя крестьянство, разгромить монархию и завести революцию как можно дальше влево. Когда это будет сделано, тогда, вместе с мировой социал-демократией, поговорим о социальной революции и коммунизме. Вождем большевиков Владимир Ленин, уже после Октября, в полемике с меньшевиками был еще конкретнее: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться вперед догонять другие народы». Иными словами, новый строй был призван быстрее провести Россию по пути, которым уже прошли европейские страны. Понятно, что формационно это путь капитализма. Но и без цитат, задачи русской политической революции лежат на поверхности. Крестьянская по преимуществу страна должна была избавиться от полуфеодалного самодержавия, которое мешало развитию товарного производства.

Революция радикально принялась за дело. В феврале 1917-го она свергла монархическую диктатуру. Дворянско-феодалные пережитки отправлялись на свалку истории один за другим. В октябре 1917 рабоче-крестьянские Советы, руководимые большевиками и левыми эсерами, в свою очередь отстранили от власти «прогрессивный» буржуазно-помещичий блок и его политическое прикрытие в виде правых социалистов. В столицах и других промышленных центрах временно возникла демократическая диктатура европеизированного пролетариата. Под ее влиянием в ходе гражданской войны двуклассовый рабоче-крестьянский блок расправился также и с контрреволюционным частнособственническим капитализмом.

Но уже по окончании гражданской войны выяснилось, что возрождение промышленности и перестройка сельского хозяйства требуют развития товарно-денежных отношений и усиления регулирующей роли государства. Так с введением НЭПа началось государственно-капиталистическое развитие страны. На смену рабоче-крестьянской революционной диктатуре пришел «государственный социализм». Не смотря на свою экономическую прогрессивность, по жесткости идеологического и политического режима он вскоре обогнал династию Романовых. Впрочем, к азиатскому деспотизму России было не привыкать. Он всегда был уделом огромной и холодной империи. Вот и рожденное Великим Октябрем новое государство быстро отбросило революционную романтику и с чиновничьим прагматизмом взяло страну в «железные рукавицы». Это, как известно, дало огромный экономический эффект.

Непокоренный рынок

Термин «большевизм» стал синонимом антирыночности и огосударствления экономики. Как могут при такой политике развиваться товарно-денежные отношения? Однако даже в годы расцвета тотального огосударствления, рыночные структуры и «частный интерес» действовали довольно активно. Рынок не исчез, он «спрятался».

Все что оставалось у колхозов после уплаты налогов, вывозилось на колхозные рынки. Туда же шла и продукция подворья колхозника, товары артелей и кустарей. Товарооборот колхозных рынков был огромен. Многие сельхозпродукты, особенно мясо, яйца, молоко горожане покупали в основном там. С учетом «черного рынка», значение частной торговли было еще большим. Государственная же торговля, до отмены карточек в 1935 году, делилась на «пайковую» и коммерческую. Последняя жила по вполне рыночным законам. Она возродилась даже в условиях войны. В стране существовала разветвленная сеть магазинов «Торгсин» - «Торговля с иностранцами». Там за

большие деньги продавалось все: от черной икры, до спальных гарнитуров. Кстати, через эти магазины часто реализовывались вещи репрессированных семей.

Оптовые базы всю торговлю производили с потребкооперацией и розничной торговлей, госунивермаги брали коммерческий кредит в банках. Если планы не предусматривали безвозвратного кредитования завода, и он мог взять кредит под проценты. А наркоматы, тресты и главки заключали друг с другом прямые договоры на поставку продукции или выполнение работ. Как капиталист с капиталистом.

Все это было характерно для 30-40х годов, когда советская система была на вершине государственного монополизма. В дальнейшем монолитная глыба экономики СССР раскалывалась на все более самостоятельные министерства и ведомства. Рыночная составляющая в отношениях между ними становилась все более значимой.

Практически на всем протяжении советской истории, в той или иной форме, мы видим хозрасчет. Государство расписывалось в неспособности обойтись без частной инициативы и стыдливо открывало для нее дверь

«черного хода».

Но эффективность государственных методов индустриализации не безгранична. Они работают пока в главе угла количество, а не качество. Пока индустриализация требует не квалифицированных работ, со многими задачами справляются пролетарии из недавних крестьян и армия лагерных рабов. Но когда этот этап пройден, работник должен быть все более квалифицированным и заинтересованным в результатах труда. На этом этапе основанная большевиками система стала пробуксовать. Ее лечили хрущевской оттепелью и бригадным подрядом. Помогало слабо. Тогда в дело пошла кооперативы и приватизация. Так постепенно частная собственность овладела страной.

Разные звенья одной формационной цепи

Ленинская партийная гвардия, несомненно, отличалась от своих сталинских преемников, а последние - от хрущевской или брежневской партийной номенклатуры. Отличались настолько, что часто партийных работников разных эпох противопоставляют как «истинную веру» и ересь. В 1952-м году на XIX-м съезде партии с упразднением аббревиатуры ВКП(б) неизбежно ушло в историю и само понятие «большевизм». Этим вроде бы прерывалась связь партийных поколений. Однако объективно, за все время нахождения у власти РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС решала одну большую задачу - превратить отсталую крестьянскую страну в промышленно развитую. Конечно, те, кто когда-то готовили Великий Октябрь, предусматривали именно социалистический проект. Но, ведь о человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает...

Исторический факт в том, что большевики приняли раннекапиталистическую Россию, где преобладало мелкотоварное производство и даже натуральное хозяйство. А их наследники оставили страну с уже развитой, но, опять же, капиталистической в своей основе индустрией. Поэтому, когда, к примеру, хрущевцы решили порвать со сталинизмом, это было не «предательством» или исторической случайностью, а закономерным звеном в дальнейшем развитии товарного производства. Чем больше оно развивалось, тем больше требовалось рыночных элементов. Сталинизм же в определенный момент перестал отвечать этому определяемому законом стоимости процессу. Впрочем и сам Сталин в последней своей крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» признал товарность советской экономики. А значит - ее не социалистический, с точки зрения марксизма, характер.

Уникальность процесса в том, что в России классическое для капитали-

стической индустриализации вытеснение ремесленника, крестьянина и кустаря крупным производством происходило без частных капиталистов - силами нового государства. Правда, за счет ярко выраженной пролетарской составляющей в буржуазно-демократической революции, советский строй обладал еще одной особенностью - развитой «социальной».

Получается, исторически большевизм - это особый метод развития индустрии и товарно-денежных отношений при развитой социальной сфере.

К началу 1990-х годов государственно-капиталистическая модернизация выполнила свою историческую роль. Очередная политическая революция покончила как с властью КПСС, так и с «государственным социализмом» в целом. Тем не менее, рыночные либералы приняли ту эстафету по дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, которую начали именно большевики во время НЭПа. Да и сама новая правящая элита в подавляющем большинстве состоит из бывшего «партхозактива». Тем самым окончательно подтвердилась та истина, что большевизм в целом оказался не способен вывести страну за рамки эпохи буржуазно-демократической революции.

Историческое время большевизма объективно прошло. Поэтому реставрация большевистских порядков была бы шагом назад, а ее попытки утопичны и реакционны. Но поклонники большевизма не хотят этого видеть. Они упорно копируют своих кумиров, сами становясь при этом живыми музейными экспонатами.

По дороге в коммунизм

Как и любой исторический процесс, новейшие «либеральные реформы» имеют две стороны. «Торжество демократии» отозвалось обрушением привычного социального минимума. Падение «железного занавеса» разрушило некогда конкурентоспособные отрасли экономики. И все же, за минувшее десятилетие бывшие советские подданные узнали, что жить можно не только «по велению партии», научились премудростям буржуазного парламентаризма и познали пусть либеральную и ограниченную, но свободу. В стране возникли негосударственные общественные объединения. Большинство их - марионетки в руках капитала. Но главное, общественная инициатива все же стала развиваться. Словом, за последние 10 лет наше классовое общество явно шагнуло в сторону большей свободы и самостоятельности. Именно на этом пути формируются навыки самоуправления и самоорганизации - одна из основ отмирания государства, а значит становления коммунизма. Чтобы прийти к коммунистическим отношениям, нужно пройти и эту фазу. Ведь теперь мы знаем, что большевистская теория прыжка через целый этап развития себя не оправдала. По крайней мере, история не дает нам примеров обратного. Независимо от того, что та или иная эпоха думает сама о себе.

Ю.К.

СОЦИАЛИЗМ РАБОЧИЙ, СОЦИАЛИЗМ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Многие громкоговорящие активисты рабочего движения видят «власть трудящихся» исключительно в представительстве и государственном патернализме. Т.е. в конечном итоге буржуазное «социальное государство» ничем не отличается от благорасположенного к рабочим «социалистического государства». Разница лишь в том, что место управляющей буржуазии занимают при «социализме» «преданные делу рабочего класса представители трудящихся». Главное сходство этих двух форм в том, что и в том, и в другом случае рабочему приходится продавать свою рабочую силу. А уж кому продавать - какая разница? Конечно, сторонники такого «социализма» много говорят о самостоятельности масс и о «подлинном народовластии», но в целом все экономические отношения сводятся к огосударственному средств производства. Т.е. о какой экономической самостоятельности рабочих и прочих рядовых исполнителей речь не идет. В конце концов, нет понимания того, что лишь соответствующая экономическая самостоятельность трудящихся может обеспечить централизованное управление экономикой. Более того. Любое право того же трудового коллектива вторгаться в дело распределения искусственно отрывается от объективных связей

«НОВЫЙ РУССКИЙ АТЕИЗМ» И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Указом президента РФ № 1300 от 17 декабря 1997 г. была утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации, где говорится: «Особого внимания требует пропаганда через средства массовой информации опыта работы творческо-педагогических школ, культурно-национальных центров, общин, союзов и других учреждений, в том числе для детей, подростков, молодежи и студенчества, а также пропаганда национальных культур народов России, духовно-нравственных, исторических традиций и норм общественной жизни». Что же под этим подразумевается конкретнее? Документ сразу же разъясняет: «Важнейшую роль в сохранении традиционных духовных ценностей играет деятельность Русской православной церкви и церкви других конфессий. Вместе с тем необходимо учитывать разрушительную роль различного рода религиозных сект, наносящих значительный ущерб духовной жизни российского общества, представляющих собой прямую опасность для жизни и здоровья граждан России и зачастую используемых для прикрытия противоправной деятельности». (...)

Указом президента духовность, т.е. приверженность высоким идеалам, полностью отписывается в монопольное владение религии, а атеизм в обладании духовностью отказывается вообще. Другими словами, они определяются как бездуховные, аморальные люди, деятельность которых, по логике документа, представляет угрозу национальной безопасности страны (хотя имеется обратная математическая зависимость между уровнями морали и религиозности в обществе: чем выше религиозность, тем ниже уровень нравственности, и наоборот). Заметим, что в тексте Конституции слово «атеизм» и производные от него вообще отсутствуют, и это, по всей видимости, отнюдь не случайно. (...)

Дело в том, что современные мировые церкви существенно отличаются от мировых церквей XIX и начала XX века, которые описаны в работах классиков марксизма. Во всяком случае, православная церковь того времени была феодальным институтом, вообще не занимавшимся предпринимательской деятельностью. В экономическом аспекте она представляла собой совокупного помещика-феодала, занимавшегося накопительством сокровищ, который вел роскошный образ жизни. Формула капиталистического предпринимательства в этой структуре почти совсем не работала. Церковь получала большие деньги с паствы, и, кроме того, она имела значительные субсидии от царя. Субсидии ей приходилось непосредственно отрабатывать доносительством и т.п. занятиями, поскольку юридически она находилась на положении государственного ведомства вроде МПС.

В советскую эпоху РПЦ также

не могла действовать капиталистически, так как ее хозяйственно-финансовая деятельность строго контролировалась не только государственными, но также и общественными органами в лице приходских общин (до принятия Закона о свободе совести 1997 г. клирики РПЦ систематически нарушали положение об общественном контроле, на что власти смотрели сквозь пальцы, а во вновь принятом законе он был отменен вообще). Эта ситуация кардинальным образом изменилась в 1990-е гг. За считанные годы Русская православная церковь, получившая огромные налоговые льготы, сумела превратиться в могущественнейшую ТНК, занимаясь добычей и торговлей нефтепродуктами, табачными, ювелирными и вино-водочными изделиями, вооружением, поступавшим по конверсии, и пр. Кроме того, она прини-

мала непосредственное участие в получении и распределении огромных потоков гуманитарной помощи, поступающих из-за рубежа. Хотя получить финансовые отчеты от нее практически невозможно, имеются все основания считать РПЦ если не крупнейшим, то, во всяком случае, одним из крупнейших капиталистов нашей страны, с коммерческими интересами которого правительство и президент не могут не считаться. Во всяком случае, ее общая прибыль находится сейчас оценочно на уровне порядка многих сотен миллионов, если не миллиарда и более, долларов в год. (...)

Однако, в истории ничего не происходит случайно, но в силу исторической необходимости. Обычно усиление реакции происходит в ответ на усиление активности исторически прогрессивных сил. В бывшем СССР такого усиления не замечается. Наоборот, так называемое действующее коммунистическое движение все более вырождается и маргинализируется, рабочее движение не достигает заметных успехов. Крайне правые у нас, по сути, не имеют серьезных врагов, и им здесь нечего опасаться. Поэтому кажется, что никакой исторической необходимости установления у нас крайне правой фундаменталистской диктатуры нет. Тем не менее, процесс идет активнейшим образом.

Чем же тогда это можно объяснить? (...) В послевоенный период империализм вступил в новую стадию своего развития, глобализм. В двух словах, это такой порядок, при котором мир разделился на две полярные цивилизационные сферы: империалистическую метрополию и эксплуатируемую ей остальной мир. Как показала история, во время двух состоявшихся мировых войн военные действия не велись на территории самых экономических могущественных участников конфликта: в Первую мировую - на территории США и Англии, во Вторую - на территории США.

(продолжение на 4-й стр.)

ретная организация контроля со стороны рабочих и прочих рядовых работников над доходами и расходами предприятия. Явно необходимо по ходу дела обучать рабочих такому контролю, обучать самостоятельной организации взаимодействия между коллективами и т.п. Сегодня эта задача облегчается вынужденным признанием буржуазии «экономического плюрализма». Рабочие могут осуществлять свой контроль вполне «легитимно», хотя сопротивление будет страшное. Организация рабочего контроля на предприятиях единственное спасение и единственное средство движения трудящихся к власти. Об этом надо говорить громко, компетентно и настойчиво. Без движения к массовому контролю, без массового устремления трудящихся вести дело самостоятельно не может быть движения к социализму.

А.Губайдуллин, Татарстан
(печатается в сокращении)